

УДК 811.11'27

DOI: 10.21779/2542-0313-2020-35-3-40-46

М.М. Абдусаламов

**Социолингвистические последствия внедрения разных языковых моделей
функций «глобального языка» в национальной языковой политике
(на примере английского языка)**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; modolsah@mail.ru*

На фоне активной разработки учеными различных аспектов феномена транснационально распространяющегося английского языка под разнообразными названиями несколько в тени остаются такие немаловажные вопросы, как роль целенаправленной языковой политики ведущих англоязычных держав с богатым колониальным прошлым и неоколониальными устремлениями, социолингвистические последствия внедрения разных моделей функционирования английского языка на фоне местных официальных языков, роль и значение национальной языковой политики в формировании и функционировании оптимальной для данной страны модели внедрения этого «глобального языка» в конкретных этнокультурных и языковых условиях.

Для иллюстрации теоретических положений автор приводит некоторые примеры из европейского и азиатского опыта внедрения разных моделей формирования языковой ситуации на географических, этнокультурных и языковых «полюсах» – в Сингапуре и отдельных странах Евросоюза.

Ключевые слова: *глобальный, языковый капитал, языковая политика, лингвизм, социолингвистика, языковая ситуация, модель внедрения.*

Нестихающие дискуссии вокруг лингвистической и социолингвистической сущности феномена глобально распространяющегося английского языка под разными названиями (*World Englishes, International language, global English, lingua franca, lingua academica* и т. д.) временами заслоняют роль политической составляющей этого явления с далеко идущими последствиями для языковой ситуации в транснациональных масштабах. В этой связи большего внимания заслуживают социолингвистические исследования, в которых феномен английского языка в современном мире трактуется как продукт целенаправленной, по сути имперской, языковой политики ведущих англоязычных держав.

За процессом территориального распространения английского языка в явной или завуалированной форме неизменно просматриваются разнообразные сценарии практической реализации этой политики. С этих позиций рассматривается сущность *лингвизма* в языковой политике. Р. Филлипсон указывает на два противоположных последствия изучения английского языка носителями этого языка – прибавление языкового капитала и потеря языкового капитала – в зависимости от модели обучения. Первое (положительное) последствие отмечается, когда английский изучается дополнительно к родному языку (и другим освоенным языкам) с гарантий условий для его (их) полноценного сохранения и развития. Второе (отрицательное) последствие *лингвизма* возникает при реализации модели обучения английскому языку без сохранения и использования родного и других благоприобретенных языков, по сути, вместо них [6].

Мотивацией для тех, кто отдает предпочтение доминирующему языку, обычно служит вера в то, что он будет больше способствовать реализации их карьерных планов и надежнее гарантировать им больший профессиональный и социальный комфорт.

По мнению известных специалистов в области социолингвистики, явлению, выступающему под названием «лингвистический (языковый) империализм», сопутствует «смесь разнонаправленных факторов, а также локальное и внешнее давление» [6, с. 11]. Переход пользователей языка на другой (английский) язык с потерей для их языкового капитала в масштабах группы людей (*вовлечением группы людей*), а не отдельных лиц, существенно затрагивает другие языки – ущемляет родной и другой (другие), ранее освоенный, языки. «Но если вновь приобретенный язык (английский) отвоевывает себе такие сферы, как коммерческая деятельность, семейное общение или наука, последствие следует называть не иначе, как потеря языкового капитала людей, освоивших новый (английский) язык» [6, с. 11]. Расширение территориальных масштабов распространения английского языка и охвата им разнообразных сфер современного общества в глобальном измерении всегда мотивировано разного рода экстралингвистическими факторами. В этом процессе присутствуют определенные движущие силы и причинно-следственные связи, хотя они не всегда лежат на поверхности.

Примечательно, что отдельные университеты скандинавского региона пошли на введение такого стимула, как выплата высоких финансовых вознаграждений авторам книг и научных статей на английском, а не на родном языке» [6, с. 11]. Профессиональное и иное продвижение человека также может быть обусловлено степенью его *продвижности* в этом, ныне особо привилегированном языке. С другой стороны, общественность скандинавских стран уже давно и все чаще выражает озабоченность тем, что такая языковая ситуация фактически наносит серьезный ущерб родным скандинавским языкам. Общественные деятели ведут широкую работу по разъяснению народным массам приоритета родных языков перед английским, их жизненно важного значения для сохранения скандинавской этнокультурной идентичности. В этом контексте еще в 2006 году Совет министров Северных стран утвердил важный документ под названием «Декларация по языковой политике скандинавских стран» и распространил его на всех скандинавских, а также на английском языке. В этом документе были сформулированы основные задачи и пути исправления перекосов и упущений в языковой политике стран этого региона. Декларация определила языковые права всех жителей скандинавских стран, а также ключевые цели языковой политики в этом регионе. Она стимулировала соответствующие организации и учреждения на разработку и предоставление долговременных стратегических ориентиров для выбора языка, а также параллельного использования языков и их преподавания [2].

Главный результат мер, принятых на межправительственном уровне скандинавских стран в обстановке их сотрудничества, – признание жизненно важного значения сохранения и развития родных языков этих стран и одновременно необходимости выработки компетенций английского языка. То, что проблема языковой политики в данном случае была эксплицитно обсуждена и решена на правительственном уровне, оказалось положительное воздействие на сдерживание влияния внешних манипуляторов, а также рыночной стихии на место и роль родных языков в общей языковой ситуации суверенного государства. В этом вопросе позиция государства в условиях глобализации, как считают авторитетные специалисты в данной области, должна быть выражена формулой «и то и другое в оптимальном сочетании», а не «либо это, либо другое» [6, с. 12].

На фоне похожей языковой ситуации в Германии университетское сообщество инициировало разработку и принятие важного документа под названием «Декларация ректоров университетов Германии», где немецкий язык был определен как жизненно важный для научно-исследовательской сферы этого государства, признавая при этом значимость владения и другими языками для тех или иных целей [7].

Свидетельством общенационального интереса и одновременно фактором его дальнейшего усиления был созыв в 2012 году большой научно-практической конференции, на которой была детально проанализирована языковая ситуация в Германии и выработаны соответствующие рекомендации по ее оптимизации [4]. Все страны Евросоюза были проинформированы о целесообразности создания и поддержания баланса между английским и национальными языками в национальных системах высшего образования [2]. При этом обращается внимание на то, что английский язык в системе образования за пределами англоязычных стран не является *lingua franca* в его этимологическом значении. Обязательными требованиями к английскому языку в этой функции являются его понятность в транснациональных масштабах и опора на наиболее признанные лексикографические и грамматические источники. Он должен функционировать на фоне полномасштабного и полноценного функционирования национальных языков [6, с. 12].

Специалисты обращают внимание на одну тревожную тенденцию – почти полное отсутствие у подрастающих поколений мотивации к изучению других иностранных языков, кроме английского. Причем упорно не принимается во внимание их существенная значимость во многих сферах (традиционные импортно-экспортные связи с неанглоязычными странами, многостороннее сотрудничество со странами Евросоюза, традиционные межкультурные контакты, историческая общность государств и т. п.).

Тем не менее, и сегодня (в постколониальный период) национальная элита афроазиатских стран создает все необходимые условия для абсолютного доминирования языка колонизаторов над своими родными языками. Такое положение обеспечивается созданием англоязычной среды не только на всех уровнях национальных образовательных систем этих государств, но и на уровне личной жизни и профессиональной деятельности. Для иллюстрации такой социолингвистической действительности обычно ссылаются на пример азиатского государства Сингапур, где вся образовательная деятельность осуществляется только на английском языке, а национальные языки преподаются как рядовой предмет учебного плана. Английский язык здесь имеет статус языка власти, что характерно и для других бывших английских колоний. При этом больше половины населения Сингапура, по свидетельству А. Пакира, использует английский язык как коммуникативное средство семейного общения [5, с. 197]. В такой языковой ситуации в Сингапуре компетенции, реализуемые на других языках, существующих в этой стране, более ограничены, что, по определению Р. Филлипсона, представляет собой модель *вычитательного* владения английским языком, сущность которой заключается в фактической замене родных языков местного населения английским в их жизненно важных функциях.

В основе сингапурской языковой ситуации лежит тот факт, что этот город-государство на южном побережье Малайзии в свое время был рожден колониальной системой и в постколониальных условиях местные правители и сингапурская национальная элита пришли к выводу, что экономическое процветание и языковые предпочтения для Сингапура следует искать на путях интеграции с глобальным бизнесом и финансовым движением. Этап вложения инвестиций в реализацию плана владения населением Сингапура компетенцией по английскому языку через процесс постепенно-

го перехода от азиатских языков к английскому языку в социолингвистическом плане предполагает накопление (прибавление) языкового капитала за счет обретения важного международного языка дополнительно к родным. Однако на следующем этапе, когда этот процесс запускает механизм вытеснения и устранения компетенций родных языков, налицо негативное последствие – потеря (потери) нацией былого языкового капитала.

В описанном процессе просматриваются внутренние и внешние механизмы запуска подобных изменений в экологии местного языка. Применительно к языковой ситуации (процессам) в странах Евросоюза автор одного из использованных в данной статье источников в качестве иллюстрации предлагает следующий пример: в тех случаях, когда немцы или шведы используют английский язык в научной работе в форме чтения (усвоения содержания) и (или) распространения содержания научной работы, задействуются сопоставимые структуры и процессы английского и родного языков. Но у тех же немцев и шведов английский язык может перерости в языковое средство формирования научных идей наравне с родным языком. Для того чтобы безошибочно определить, отмечается ли в данном случае факт прибавления или потери языкового капитала и в какой мере этот факт имеет место, необходим специальный научный анализ на базе эмпирического материала.

В этом контексте в шведских университетах было проведено экспериментальное исследование механизмов и факторов, обеспечивающих высокую двуязычную академическую грамотность обучающихся в условиях использования шведского и английского языков. Итоги проведенного исследования показали, что вариант отбора переменных величин языка обучения в университетах стран северной Европы является оптимальным на данном этапе. Этого не скажешь об университетах остального европейского ареала, где в условиях усиления позиций английского языка как языка обучения отмечен меньший педагогический эффект [1].

В опубликованных работах по глобальному распространению английского языка с вытеснением местных языков из сфер их естественных жизненно важных функций можно встретить мрачные прогнозы и пугающие эпитеты для характеристики этого языка. По мнению авторитетных специалистов, вымирание языка как правила – следствие определенной языковой политики доминирующей державы [8].

За часто завуалированным функционированием механизмов управления языковой политикой в рамках Евросоюза просматриваются структурные привилегии, отдаваемые английскому языку. В контексте Болонского процесса унификации национальных систем высшего образования стран ЕС ключевые положения языковой политики касательно родных языков на деле часто оставались формальными декларациями. Ратуя за усиление *мультилингвизма*, ведущие государства Евросоюза в то же время не проявляют большого энтузиазма в практической реализации этих языковых моделей, – а также двуязычного высшего образования. Этот факт был отмечен в отчете Еврокомиссии за 2015 год. На самом деле то, что в конечном итоге получилось благодаря деятельности Болонского процесса и фактической (не декларируемой) языковой политике, как указывает бывший министр образования Германии Ганс Иохим Майер, – это создание единого европейского научно-исследовательского пространства, что по сути является огромным рынком научной продукции, усиливающим позиции английского языка в ущерб национальным языкам стран ЕС [3, с. 61].

Еще один факт в этом контексте: в положении о научных изданиях и публикациях Генеральной дирекции научно-исследовательской работы Еврокомиссии говорится, что

публикация может быть представлена на любом из 24 официальных языков. Однако при этом автору недвусмысленно дают понять, что, если он хочет, чтобы его работа прошла беспрепятственно, ему следует изложить ее на английском языке. Здесь налицо дискриминация полноценных государственных языков стран ЕС, что вполне может быть квалифицировано как *лингвицизм* [6, с. 13]. Английский также стал языком, используемым по умолчанию в качестве внутриведомственного в организациях и учреждениях стран Европы, отняв у французского языка эту традиционную функцию.

Таким образом, в европейском пространстве на современном этапе за декларациями о поощрении мультилингвизма (многоязычия) просматривается фактическая ориентация на моноязычную культурную парадигму в жизненно важных общественных сферах. По убеждению Р. Филлипсона, *лингвицизм* в образе глобального английского языка созвучен с идеологией верхов классовой иерархии современного общества, расизмом и сексизмом и ему нужно давать отпор, как и другим проявлениям, примирительно относящимся к несправедливости и неоправданному неравенству [6, с. 14].

Уместно заметить, что, согласно выводам ведущих зарубежных специалистов в области социолингвистики, такой феномен, как транснациональное распространение английского языка, известный под разнообразными терминами, приводит к двум обобщенным типам последствий для языковой ситуации в определенной стране или группе стран одного ареала. Первый (положительный) тип последствий отмечается, когда английский изучается дополнительно к родному языку и другим ранее освоенным языкам с гарантией условий для их полноценного сохранения и развития. Такие последствия названы прибавлением языкового капитала. Второй (отрицательный) тип последствий образуется в режиме *лингвицизма* при реализации модели обучения английскому языку без сохранения и использования родного и других ранее приобретенных языков, по сути, вместо них. Этот тип последствий у Р. Филлипсона получил название «убыль языкового капитала» [6, с. 12].

В случаях исчезновения того или иного языка, по мнению авторитетных экспертов в области социолингвистики, неправомерно квалифицировать это явление как естественную, ничем не спровоцированную смерть языка по объективным обстоятельствам. За этим явлением, как правило, просматриваются долговременные манипуляции механизмами эгоистической языковой политики определенной доминирующей державы (или держав). Какой из названных двух типов последствий и в какой мере испытает конкретная неанглоязычная страна (группа стран) во многом зависит от ее выбора и последовательного отстаивания той или иной модели национальной языковой политики.

Европейский выбор на примере отдельных скандинавских стран и Германии основан на признании жизненно важного значения сохранения и развития родных языков этих стран с одновременным признанием необходимости выработки компетенций английского языка в его глобальных функциях.

Условный азиатский выбор на примере Сингапура представлен следующим образом: компетенции, реализуемые не на английском языке, более ограничены. Этот факт дал основание Р. Филлипсону квалифицировать данную социолингвистическую версию как модель *вычитательного* владения английским языком, сущность которой заключается в фактической замене родных языков местного населения английским в их жизненно важных функциях [6, с. 12].

Успешный выбор конкретной модели внедрения в стране глобально распространяющегося английского языка, по мнению ученых, возможен лишь при непременном

условии его оптимального сочетания с полномасштабно и полноценно функционирующими официальными местными языками.

Литература

1. Dimova S., Hultgren A.K. & Jensen C. English-medium instruction in higher education in Europe. – Berlin, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781614515272>
2. The Language Declaration / Nordic cooperation – Norden.org-
<https://www.norden.org> › information › language-co-operation
3. Meyer H.J. Bologna oder Harvard? Realität und Ideologie bei der deutschen Studienreform // Zeitschrift für Politik. – 2015. – № 4. – P. 51–62.
4. Oberreuter H., Krull W., Meyer H.J. & Ehlich H. (Hg.). Deutsch in der Wissenschaft. Ein politischer und wissenschaftlicher Diskurs. – München: Olzog Verlag, 2016.
5. Pakir A. Bilingual education in Singapore // J. Cummins & N. H. Hornberger (Eds.), Bilingual education. Encyclopedia of Language and Education. – 2nd ed. – Vol. 1. – New York: Springer, 2007. – P. 191–203.
6. Phillipson Robert. Myths and realities of ‘global’ English // Language Policy, 21.06.2016. https://research-api.cbs.dk/files/45073691/robert_phillipson_myths_and_realities
7. Resolution of the German Rectors’ Conference of 22 November 2011, in English at www.hrk.de. 2011
8. Skutnabb-Kangas T. & Phillipson R. The global politics of language: markets, maintenance, marginalization or murder. In Coupland N. (Ed.) // The Handbook of Language and Globalization. Oxford: Blackwell, 2015. – P. 77–100.
9. Jenkins Jennifer. Current Perspectives on Teaching World Englishes and English as a Lingua Franca // TESOL Quarterly. – 2006. – Vol. 40, № 1. – P. 157–181.

Поступила в редакцию 11 июня 2020 г.

UDC 811.11'27

DOI: 10.21779/2542-0313-2020-35-3-40-46

On Sociolinguistic Consequences of the Introduction of Various Language Models With “Global Language” in National Language Policies (on the Example of English)

M.M. Abdusalamov

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
modolsah@mail.ru

While scholars have been increasingly engaged in development of various aspects of a unique phenomenon like global English, which has a variety of terminological names and interpretations, some other issues of no small importance are likely to keep so far a low profile. These issues are: the role of a purposeful language policy, carried out by the leading English speaking powers with an abundant colonial experience and neocolonial aspiration, sociolinguistic consequences of the implementation of various models of English language functioning in different continents at the background

of local official languages, the role and significance of the national language policy in the process of forming and functioning of English as an “international language”, optimal for a particular country (group of countries) under particular ethno-cultural and linguistic conditions.

To illustrate the essence of the theoretical previsions found in this article the author offers some examples from the experience of implementing various patterns of formation of language situations in the geographically, ethno-culturally and linguistically opposed areas – Singapore and some countries in European Union.

Keywords: *global, linguicism, linguistic capital, sociolinguistic, language policy, language situation, implementation model.*

Received 11 June, 2020